

В Е С Т Н И К

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13
Выпуск 22012
ИюньВОСТОКОВЕДЕНИЕ
АФРИКАНИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

- Alshinawi A.* Malta — Russia. On the Diplomacy of EU's Small States 3
Старовойтова Е. О. 1881–1905 годы в истории российско-китайских отношений 10

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Кутафьева Н. В.* Составные глаголы с имплицитным значением количества в японском языке 18
Матушкина Н. А. К вопросу о категории номинализации действия в агглютинативных языках 28
Смирнова М. О. История формирования тибетской лингвистической традиции ... 34
Ульмезова Л. М. О термине «сослагательное наклонение» в тюркских языках (на примере карачаево-балкарского и турецкого языков) 42

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Алексеев К. В., Гроховский П. Л., Сизова А. А., Смирнова М. О., Туранская А. А., Ямпольская Н. В., Яхонтова Н. С.* Типология и способы перевода буддийской терминологии (на материале интерактивной базы данных «Буддийская терминология монгольских переводных сочинений») 47

<i>Врадий С. Ю.</i> «Карта России (Агук Ёджидо)» — первое корейское описание Приморья. Часть 2	60
<i>Илюшина М. Ю.</i> «Божественные касыды...» султана аль-Гури	68
<i>Мыльникова Ю. С.</i> «Фунью ши яньцзю»: историографический обзор жанра	76
<i>Тептюк П. С.</i> Две рукописи макама ал-'Аббаса (XVI век)	85

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Завьялова О. Ю.</i> Этнопсихологические характеристики и система ценностей народов манден (анализ устной традиции)	90
<i>Ляхович А. В.</i> Поэзия как фактор политической жизни у хауса	96

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Борисова А. А.</i> Японские традиционные искусства и действия измото в период Мэйдзи (1868–1912)	102
<i>Редькин О. И.</i> Арабская письменность: до или после ислама?	108
<i>Рыбаков В. М.</i> Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 2	117
<i>Семенова В. Н.</i> Эфиопская сакральная живопись второй половины XX века: возможные перспективы исследования	125

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Герасимов И. В.</i> Рецензия на статью: Freitag U., Gershoni I. The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. Heft 3 Juli — September 2011. "Arab Encounters with Fascist Propaganda 1933–1945". 2011. 37 Jahrgang. S. 311–331	132
--	-----

IN MEMORIAM

Памяти профессора Юрия Ашотовича Петросяна (1930–2011)	136
Академик М. Н. Боголюбов — учитель, наставник, друг	139
Аннотации	141
Abstracts	146
Сведения об авторах	150
Contents	152

В. М. Рыбаков

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
БЕСКОНТАКТНЫХ ПОКУШЕНИЙ НА ЛИЧНОСТЬ
ПО ЗАКОНАМ ДИНАСТИИ ТАН.
ЧАСТЬ 2**

Магия

Несколько отличались от чудовишных методик *зу* простые ворожба и колдовство (*я мэй* 壓魅), хотя они также включались в пятое из Десяти зол. В чем именно была разница, точно сформулировать нелегко, да и в самом тексте Кодекса определения продолжают оставаться уклончивыми — хотя странно было бы ожидать обратного, ведь иначе правовой текст грозил превратиться в инструкцию для злоумышленников. Относительно *я мэй* говорится:

Способов ворожбы и колдовства много, так что они не могут быть описаны все. Вообще имеются в виду выходящие за рамки нормального [поведения]¹ зловредные обычаи и тайные практики, [применяемые] с тем, чтобы вызвать у какого-либо человека болезнь, страдания или смерть [1, ст. 6] (см. также: [2, с. 88]).

И еще:

В [таком] деле, как ворожба, есть много способов воздействия, и разобрать их в подробностях вряд ли возможно. Или рисуют изображение, или вырезают человеческую фигурку, а потом прокалывают им сердце или вбивают в глаза гвозди, связывают руки или стягивают ноги и таким образом вредят и одолевают. В этих делах нет единого [правила]. При колдовстве или прибегают к помощи бесов и духов, или произвольно пользуются неправедными тайными практиками и [применяют способы] такого рода. Также [накладывают] либо заклинания, либо заклятья [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 54]).

Впрочем, практичные жители танской империи, видимо, признавали, что действенность такого рода методов воздействия несравненно меньше, чем действенность, например, удара ножом или просто избиения. Поэтому, включив ворожбу и колдовство в Извращение, т. е. признав исключительную социальную опасность и исключительную аморальность подобного рода действий, попытку нанести кому-то вред магическим путем они сочли все же не столь опасной, как, скажем, умысел простого убийства. В Кодексе предписывается:

Всякому, кто, ненавдя [кого-либо], творил ворожбу или колдовство... желая таким образом убить, наказание определяется как за умысел убийства с уменьшением на 2 степени [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 54]).

Сам по себе умысел убийства наказывался, как уже отмечалось, тремя годами каторги. При этом для того, чтобы умысел был признан таковым, в заговоре должны были состоять минимум два участника, либо обстоятельства дела должны были быть очевидны, исключать всякое сомнение (например, если была совершена попытка по-

¹ В тексте здесь сказано: *бу зуй* 不軌. т. е. буквально «не по наезженной дороге», «не так, как все».

пасть в дом заведомого недруга с ножом или дубинкой в руках). В данном случае, надо полагать, доказательством умысла служили те или иные магические предметы или действия, которые могли быть признаны столь же очевидными свидетельствами попытки погубить врага магическим образом, сколь проникновение к нему с ножом могло быть истолковано как очевидное свидетельство умысла погубить его.

Во всяком случае, творил ли злодей ворожбу в одиночестве, или то были действия группы колдунов, состоявшей из двух человек и более (что требовалось для доказательства умысла, если не было иных очевидных доказательств), это преступление наказывалось на две степени легче, чем доказанный умысел обычного убийства, еще не приведший ни к каким реальным действиям. Уменьшение на две степени трех лет каторги давало два года каторги. Осуществление колдовских операций признавалось, таким образом, доказательством желания нанести реальный вред, свидетельствовало об умысле, но эффективность метода, выбранного злоумышленником или злоумышленниками, оценивалась правом по крайней мере на две степени меньше, нежели эффективность простого заговора, в котором фигурировала бы, скажем, договоренность подстеречь такого-то неподалеку от харчевни и зарезать.

Впрочем, если это творилось в отношении родственников, с которыми колдуна или колдунью связывали отношения младшинства, близкого к внутрисемейной вертикали, положение менялось — ровно в той же степени, в какой умысел убить старшего родственника каким-либо обычным способом рассматривался более тяжелым преступлением, нежели умысел убить аналогичным образом постороннего человека. Ворожба с целью причинить смерть старшему родственнику, по которому преступнику полагалось бы в случае его смерти носить годовой траур *цзи*, либо деду или бабушке по женской линии, мужу, деду или бабушке мужа по мужской линии, отцу или матери мужа, даже если не привела к фатальным для жертвы последствиям, наказывалась обезглавливанием². Не могло быть снисхождения и к тем, кто этим сомнительным средством все же сумел добиться своего, и жертва погибла.

Если вскрывалось, что умер человек, против которого были при его жизни произведены магические действия, причинно-следственная связь между попыткой колдовским образом причинить вред и успешным результатом этой попытки вряд ли могла быть оспорена. Следовательно, возникала ситуация, равная той, при которой доказанный умысел убийства увенчался смертью жертвы. Соответственно, виновный (или виновные) должен был получить наказание по нормам, предусмотренным для преднамеренного убийства в ситуации, когда убийство уже произошло³.

Если целью ворожбы было не стремление убить, а желание всего-то лишь причинить болезнь или страдания, наказание определялось путем уменьшения на две степени уже наказания за умысел магического убийства.

² «Всякий раз, когда [кто-либо] умыслил убить старшего родственника близости *цзи*, деда или бабуку по женской линии, мужа, деда или бабуку мужа по мужской линии, отца или мать мужа, все наказываются обезглавливанием» [1, ст. 253] (см. также: [3, с. 25–26]). «Если [ворожба или колдовство творились] в отношении старшего родственника близости *цзи*, либо деда или бабуки по женской линии, мужа, деда или бабуки мужа по мужской линии или отца или матери мужа... наказание [относительно умысла убийства, даже если смерти жертвы еще не последовало] не уменьшается» [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 54]).

³ «Всякий, кто умыслил убить человека, наказывается 3 годами каторги. Если уже нанесено телесное повреждение — удушение. Если уже совершено убийство — обезглавливание. Соучастники, приложившие усилия, наказываются удушением, а не приложившие усилий — ссылкой на 3000 *ли*. Тот, кто подал мысль, хотя бы [сам] и не действовал, все равно рассматривается как главарь» [1, ст. 256] (см. также: [3, с. 31]).

Это значит, что сама по себе попытка магическим путем заставить страдать постороннего человека наказывалась на четыре степени легче, чем доказанный умысел не успешного совершиться обычного убийства, т. е. одним годом каторги. Это наказание модифицировалось в зависимости от субординативной связи, связывавшей субъект и объект преступления. Если за умысел убийства того или иного родственника или начальника закон предписывал утяжеленное относительно стандарта наказание, то на четыре степени уменьшалось именно это наказание. Если наказание за умысел убийства данного лица было легче стандарта, аналогичным образом уменьшалось и наказание за воровку с целью не убить, а лишь заставить помучиться.

Однако если воровку или колдовство с целью причинения страданий творили сын или внук по мужской линии в отношении деда или бабушки по мужской линии, отца или матери, либо лично зависимый *буцью* 部曲, раб или рабыня творили это в отношении хозяина, во всех таких случаях наказание не уменьшалось; это значит, оно уменьшалось лишь на две степени относительно наказания за умысел обычного убийства соответствующего старшего родственника или хозяина.

Нельзя не упомянуть еще об одном весьма специфическом виде высокотехнологического посягательства, которому, при всей его гипотетичности, предусмотрительные танские законодатели нашли место в Кодексе, — посягательстве на духовную неприкосновенность.

Если кто-то колдовал всего-то лишь с целью добиться безрассудной любви (*аймэй* 愛媚) отца, матери, деда или бабушки по мужской линии либо хозяина, это тоже расценивалось как вредоносное действие — ибо посягало на свободу воли личности, которая как раз и обладала по всем человеческим представлениям особыми полномочиями относительно того, кто был ей всем строем общества и всей сутью иерархической морали подчинен.

Отношение к такого рода воздействию было, вероятно, чем-то сродни современному ужасу перед психотронным оружием. Его никто никогда не видел, но все готовы к тому, что оно вот-вот появится — и тогда мир станет окончательно аморален. Ведь тогда ни личная храбрость и порядочность, ни твердость убеждений, ни устоявшиеся представления о добре и зле, ни самые непререкаемые моральные авторитеты не смогут послужить препятствием для бессовестного манипулирования человеком со стороны.

При Тан было несомненно, что родители должны руководить и воспитывать, а дети должны слушаться их и любить, любить во что бы то ни стало, несмотря ни на что. То же самое еще с большим основанием можно сказать об отношениях хозяев и их лично зависимых. Если же, наоборот, дети и рабы начнут пользоваться безумной любовью своих старших и, пользуясь ею, диктовать им свою волю вместо того, чтобы подчиняться их воле, мир перевернется, течение благих небесных влияний сверху вниз, от старших к младшим, повернет вспять, плюс сменится на минус.

Поэтому даже столь, с нашей современной точки зрения, невинное желание — быть безгранично любимым родителями, — если желание это пытались воплотить в жизнь не услужливостью и послушанием, не выполнением малейших прихотей старших, но тайным психотронным давлением, от которого нет защиты, наказывалось ни много ни мало ссылкой на 2000 *ли*. При этом из текста статьи отнюдь не следует, что колдун достиг своей цели, и его отец или, скажем, бабушка по мужской линии и впрямь стали игрушками в его руках, нет. Просто сказано:

Если [некто] всего лишь домогался безрассудной любви деда или бабушки по мужской линии, отца или матери либо хозяина и с этой целью творил ворожбу либо налагал заклинания, он наказывается ссылкой на 2000 *ли* [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 56]).

Еще более опасным для всего общества и потому совершенно недопустимым было, безусловно, применение магической пагубы и психотроники против того, от кого зависит в Поднебесной абсолютно все. Того, кто служит соединительной осью между миром горным и миром простых людей. Того, от чьего правильного, взвешенного и беспристрастного поведения зависят даже своевременность дождей или отсутствие стихийных бедствий. В Кодексе его, чтобы не поминать слишком часто всеу его реальные, не имеющие аналогов прерогативы, иносказательно именуют *чэньюй* 乘輿 — «Тот, кто в паланкине».

Речь, конечно, идет об императоре.

Тут, как и следовало ожидать, разговор был краток.

Если же [какие-либо вышперечисленные действия] касались Того, кто в паланкине — не выделяя главаря и соучастников, всех должно казнить обезглавливанием. Даже если всего лишь домогались безрассудной любви — все равно наказываются высшей мерой наказания. Это... также входит в Десять зол [1, ст. 264] (см. также: [3, с. 56]).

Уже сама по себе мысль воздействовать на духовные и интеллектуальные свойства человека, особые достоинства которого обеспечили получение им Небесного Мандата (и продолжали обеспечивать сцепку между правильным пониманием этим человеком воли Неба и претворением ее в конкретной внутренней и внешней политике), вне зависимости от того, удалось ли эту мысль успешно реализовать, или нет, неопровержимо доказывала, что голова, в которой данная мысль зародилась, должна быть как можно скорее отделена от туловища.

Симптоматично, что в Кодексе совсем не предусматривалось наказаний за преступления с нашей точки зрения вполне аналогичные указанному: например за то, что на современном языке назвали бы «зомбированием» постороннего человека, созданием колдовского биоробота. Ворожба с целью получить безропотного раба, исполнителя любых, пусть самых преступных желаний колдуна, могла бы рассматриваться по крайней мере столь же вероятной, что и ворожба с целью влюбить в себя семейных старших. А уж о столь знакомых европейской культуре вещах, как любовный приворот, и говорить нечего. И тем не менее все подобные деяния не фигурируют в качестве юридических гипотез танского уголовного закона. Приходится предположить, что здесь в нем был сочтен достойным упоминания лишь главный страх культуры: возможность себялюбивого пресечения преступником идущих на него же самого сверху, из семейного зенита, благих ретрансляций императорского упорядочивающего и морализующего влияния, и более того, передача вверх себялюбивых низовых чаяний.

Отравление

Помимо магии и страшных, тоже где-то на грани магии и биохимии создаваемых ядов группы *гу*, в Китае были известны и реальные ядовитые вещества, которые, как это водилось испокон веков во всех более или менее развитых медицинах мира, в ма-

лых дозах зачастую использовались как лекарства, а в дозах чрезмерных могли привести к смерти. В Кодексе в качестве примеров приводятся «перья ядовитой выпы, ядовитый сумах, акониты»⁴.

И специально оговаривается:

Имеется в виду, что [ядовитое снадобье] способно убить человека. Хотя бы его можно было использовать для лечения болезней, однако тот, кто его купил, намеревался отравить человека [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 51]).

Таким образом, то, что фигурирующее в деле вещество реально способно нанести вред, являлось одним из условий привлечения к ответственности по данной статье. Если смертоносность зелья не была доказана, ситуация оказывалась неопределенной. И вторым непременным условием была доказуемость умысла на убийство. Если нацеленность покупки на отравление не могла быть прослежена, статья не могла быть применена.

При соблюдении же этих условий:

Всякий, кто опоил человека ядовитым снадобьем, и тот, кто продал [ему это снадобье], наказываются удушением. ...Если [снадобье] уже куплено, но еще не использовано — ссылка на 2000 *ли* [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 51]).

Однако если тот, кто продал снадобье злоумышленнику, не знал о его намерениях (например, полагал, что снадобье предназначено для лечения), он не подлежал ответственности. Зато в случае, если снадобье пусть и не было еще использовано, но продавший его как раз был осведомлен о намерениях преступника, он, опять-таки наравне с самим преступником, наказывался ссылкой на 2000 *ли*.

Характерно, что в тексте ничего не говорится о том, последовали ли смерть или какой-либо иной вред здоровью после применения снадобья. По всей видимости, социальная опасность отравительства оценивалась столь высоко, что уже самого факта произведенной попытки воздействовать на человека столь коварным, труднодоказуемым и оставляющим мало следов способом было достаточно для привлечения к ответственности. Ведь перед тайным отравлением в силу специфичности воздействия самый мужественный, самый ловкий, самый сильный человек был беспомощен, точно ребенок или глубокий старик. Слишком уж не на равных находились при таких обстоятельствах субъект и объект преступления. Самозащита была фактически невозможна. И поэтому обязательной смерти жертвы отравления для наказания смертью отравителя, похоже, не требовалось; во всяком случае, об этом не упоминают⁵.

⁴ В тексте здесь сказано: *чжэнду ээ утоу фуцзы* (鸩毒冷葛烏頭附子). Относительно *чжэнь* в «Большом китайско-русском словаре» говорится: «миф. птица с ядовитыми перьями, ядовитая выпь (величиною с орла, темно-красного цвета, с красным клювом, питается змеями)» [4, т. 3, с. 522]. Относительно *ээ*: «вид ядовитого сумаха» [4, т. 2, с. 538]. Относительно *утоу*: «аконит (борец) китайский (*Aconitum sinense* Sieb.)» [4, т. 3, с. 507]. Относительно *фуцзы*: «аконит китайский (*Aconitum sinense* Sieb.)» [4, т. 3, с. 27]. У. Джонсон переводит эти термины соответственно как «птичий яд» (bird poison), «ядовитый плющ (poison ivy), «птичья голова» (bird's head) и «семенной аконит» (seed aconite), причем относительно «птичьего яда» замечает, что тут имеется в виду вполне реальная птица-сскретарь [5, р. 265].

⁵ Может быть, конечно, она сама собой разумелась, иначе и дела бы не возникло. Но странно, что не введены для определения соответствующих градаций наказания хотя бы элементарные градации нанесенного ущерба: умер; не умер, но заболел и навсегда стал инвалидом; заболел, но поправился... Ничего этого нет.

Особые коллизии возникали, как обычно, в тех случаях, когда преступник и жертва не были посторонними друг другу или статусно равными людьми.

Если преступление совершено против родственника старшего поколения, против старшего родственника или против [человека, более] знатного, соответственно каждому данному случаю действуют по закону об умысле убийства, когда убийство уже совершено. Если [яд] был применен против родственника младшего поколения, против младшего родственника [своего поколения] или против [человека, менее] знатного, наказание определяется сообразно⁶ умыслу убийства, когда убийство уже совершено. Если же снадобье [было применено], но смерть не наступила, это всегда подпадает под [действие] закона об умысле убийства, если уже нанесено телесное повреждение [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 52]).

Значит, если младший родственник или человек более низкого социального статуса применил отравляющее вещество против старшего родственника или человека более высокого социального статуса, наказание с учетом конкретной их связи следовало определять как за умысел убийства, когда убийство уже совершено, т. е., другими словами, как за состоявшееся предумышленное убийство данного старшего или более знатного. А как мы уже видели, предумышленное убийство даже постороннего, равного по статусу, человека каралось обезглавливанием.

Если же зелье было применено против младшего родственника или против человека менее высокого статуса, наказание определялось по статье за умышленное убийство с учетом конкретной связи субъекта и объекта преступления, но, как явствует из оговорки *чжунь... лунь*, в любом случае не могло превысить ссылки на 3000 ли. Если же снадобье было применено, но смерть не последовала (причем текст совершенно не акцентирует внимания на том, а что же, собственно, последовало: был ли нанесен вред, какого рода и какой тяжести он оказался, или вообще снадобье не действовало), тогда наказание надлежало определять по статье об умысле убийства (опять-таки с учетом конкретной связи преступника и жертвы), и назначалось то наказание, которое по соответствующей статье предписывалось за нанесение телесного повреждения в ходе реализации умысла. Например, в нейтральной ситуации, т. е. когда преступник и жертва были посторонними людьми равного статуса, нанесение телесного повреждения в ходе реализации умысла убийства наказывалось удушением.

Можно предположить, что последнее предписание, хотя введено оно лишь при анализе ситуаций родственного опавивания ядовитым снадобьем, относится не только к частной ситуации отравления родственника, но к опавиванию вообще. В таком случае мы и получим, что не приведшая к смерти попытка отравления постороннего человека должна была наказываться удушением, т. е. именно так, как и предписано в самом начале основного текста статьи за опавивание как таковое.

В этой же статье предусматривается наказание еще за один метод скрытого воздействия. Правда, он может быть отнесен скорее к косвенным, нежели к высокотехнологичным, поскольку, хотя речь и продолжает идти об отраве, для ее применения не требовалось никаких специальных знаний и усилий, лишь очередная толика коварства.

⁶ Данная формулировка (*чжунь... лунь 准... 論*) означала, что наказание только сообразуется со статьей, на которую дается отсылка, но не определяется по ней полностью (оно, например, ограничивалось ссылкой на 3000 ли и не могло достигнуть смертной казни). Были и иные ограничения. Относительно подобного рода значимых формулировок см.: [1, ст. 53; 2, с. 274–277].

Речь идет о порченном мясе.

Вообще говоря, если становилось известно, что некое мясо вызвало у отведавшего его человека недомогание или болезнь, остатки этого мяса подлежали сожжению. Это была вполне разумная санитарная норма, свидетельствующая о весьма высокой степени цивилизованности танского общества. Владелец порченного мяса, нарушивший это предписание и не уничтоживший опасный продукт, наказывался 90 ударами тяжелыми палками.

А далее в статье говорится:

Тот же, кто преднамеренно дал [такое мясо какому-либо] человеку для еды или продал, и это вызвало у человека болезнь, наказывается 1 годом каторги. Если по этой причине дошло до смерти — [виновный наказывается] удушением [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 53]).

Здесь градации ясны. Если подсунул кому-то порченный продукт, но объект воздействия никакого недомогания не почувствовал, — невиновен. Если подсунул, и объект заболел, — год каторги. Если подсунул, и объект умер, — удушение.

И снова простое и однозначное предписание становилось куда более сложным, а количество вариантов наказаний увеличивалось, когда речь заходила о применении столь изощренного способа отравления против родственника или человека иного статуса.

Если [кто-либо], имея в сердце своем намерение нанести вред, преднамеренно дал для еды старшему родственнику с тем, чтобы вызвать смерть, наказание также определяется сообразно статье об умысле убийства. Если [мясо] было применено против младшего родственника или незнатного, и дошло до смерти, [действуют] по закону о преднамеренном убийстве [1, ст. 263] (см. также: [3, с. 53]).

Очень характерны здесь расхождения в описании ситуаций.

В первом случае, когда говорится о применении заведомо вредной пищи против старшего, о том, что преступный результат был достигнут, даже не упоминается. Достаточно того, что с вредоносной целью порченное мясо было дано в пищу старшему. Одного этого факта хватало, чтобы против младшего был применен закон об умысле убийства, да не просто убийства, а убийства старшего родственника.

А вот о том, были или не были у старшего вредоносные намерения, если он дал испорченное мясо младшему, не упоминается вовсе. Понятие умысла вообще выводится за пределы рассмотрения. Зато обязательным становится фатальный результат — наступившая смерть младшего. Если смерти не было, то и дела не возникало. И даже в случае смерти младшего наказание старшему определялось, разумеется, с учетом конкретной близости родства, по нормам всего лишь преднамеренного, а не преднамеренного убийства.

Это значит, опять-таки, что закон вообще не интересовался вопросом, существовал заранее спланированный умысел отравить младшего порченным мясом, или нет. Отнесение убийства к классу преднамеренных означало лишь признание того факта, что непосредственно в момент угощения младшего недоброкачественным мясом старший имел желание причинить ему смерть.

Стремление поддержать внутрисемейную иерархию во всех ее проявлениях в который раз подвигло здесь танских законодателей на филигранную, эквилибристическую точность соблюдения неравенства тех, кто в рамках системы ценностей танской

эпохи и впрямь ни в малейшей степени не мог быть друг другу равен или хотя бы уравнен. Это и была справедливость Тан, с потрясающей скрупулезностью воплощаемая в каждодневную жизнь дотошным танским правом. Сколь бы странен и сомнителен ни был способ посягательства на чужую жизнь, здоровье и психическую самостоятельность, сколь бы малому числу бессердечных умников и жестоких умельцев он ни был доступен — он сразу вводился в контекст основных цивилизационных ценностей и тревог, сразу должен был быть подчинен рядовому, традиционному культурному стандарту, по которому жило танское общество. А уголовные законы были главным государственным рычагом такого подчинения (и, как мы видим, самым ярким и однозначным его свидетельством). Возможно, здесь, в этом умении не стесняться силовыми методами встраивать все новое и дестабилизирующее в устоявшееся и проверенное временем, кроется секрет — во всяком случае, один из секретов — поразительной устойчивости и жизнеспособности китайской цивилизации.

Источники и литература

1. Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и): в 4 т. / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. Т. 1. Цзюани 1–8. 376 с.
3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и): в 4 т. / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. Т. 3. Цзюани 17–25. 376 с.
4. Большой китайско-русский словарь / под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука, 1983–1984.
5. The T'ang Code. Vol. I–II / transl. with an introd. by W. Johnson. Princeton: Princeton University Press, 1997. Vol. II. Specific Articles. 591 p.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.